
АННА ЯНСЕН
В РАЗВОДЕ
Не смей говорить "люблю"

Анна Янсен

В разводе. Не смей говорить люблю

https://litres.ru/75061429
SelfPub; 2026

Аннотация

Там, в полумраке, стоял он. Мой муж. Но его руки, те самые руки, что еще утром касались моего лица, сейчас бесстыдно лапали другую. Женщина, прижатая им к стене, запрокинула голову, а он целовал её так жадно.

— Скажи это, — прошептала она, извиваясь под его руками. — Скажи, что она для тебя — просто привычка. Я хочу быть с тобой Дамир. Как и раньше. Ты, я и наша любовь

Мой муж низко рассмеялся, и от этого звука по моей спине прошел ледяной холод, который был страшнее любого ветра.

— Тише, — выдохнул он ей в шею, не прекращая своих движений. — Ты же сама всё знаешь. Моя жена — это просто декорация. Удобный фасад, не более. Совсем скоро я покончу с этим спектаклем, уйду от неё, и мы наконец сможем быть вместе

Решив уйти первой, я столкнулась с чудовищной жестокостью. Я умирала у него на глазах, а он даже не пытался помочь

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 13
Глава 3 19
Глава 4 26
Глава 5 34
Глава 6 41
Глава 7 49
Глава 8 57
Конец ознакомительного фрагмента. 59

Анна Янсен
В разводе. Не смей говорить люблю

Глава 1

Аннотация:

Там, в полумраке, стоял он. Мой муж. Но его руки, те самые руки, что еще утром касались моего лица, сейчас бесстыдно лапали другую. Женщина, прижатая им к стене, запрокинула голову, а он целовал её так жадно.

— Скажи это, — прошептала она, извиваясь под его руками. — Скажи, что она для тебя — просто привычка. Я хочу быть с тобой Дамир. Как и раньше. Ты, я и наша любовь…

Мой муж низко рассмеялся, и от этого звука по моей спине прошел ледяной холод, который был страшнее любого ветра.

— Тише, — выдохнул он ей в шею, не прекращая своих движений. — Ты же сама всё знаешь. Моя жена — это просто декорация. Удобный фасад, не более. Совсем скоро я по-

кончу с этим спектаклем, уйду от неё, и мы наконец сможем быть вместе…

Решив уйти первой, я столкнулась с чудовищной жестокостью. Я умирала у него на глазах, а он даже не пытался помочь…

Глава 1

— Дамир, глазам своим не верю! — девушка в красном платье подлетела к моему мужу, сияя ослепительной и фальшивой улыбкой. — Ты стал еще мощнее, еще суровее. Настоящий мужчина! — она мазнула по мне пренебрежительным взглядом, словно оценивала дешевый товар на рынке.

— Так это та самая жена? — звонко, на грани приличия, спросила она. — Такая бледная, худая, болеет чем-то?— захохотала она и посмотрела на меня сверху вниз, и в этом взгляде читалось неприкрытое превосходство.

— Зарина, ты тоже очень изменилась.

Прямо красавица! — голос Дамира смягчился, и в нем промелькнули нотки, которые он редко позволял себе при мне. — Да, жена. Она всегда такой была, — как-то безразлично бросил он.

Она была ослепительна той самой истинно восточной красотой, которую невозможно не заметить. Брюнетка с глазами-омутами, в которых, казалось, застыла сама ночь. Её черты лица были безупречны: от четкой линии подбородка до

высокого лба. На её запястьях позвякивали браслеты, а пальцы с идеальным маникюром по-хозяйски коснулись локтя Дамира.

В семье Дамира, с его крепкими кавказскими корнями и вековыми традициями, я казалась почти прозрачной. Мои белые волосы и бледная, точно фарфор, кожа всегда выбивались из их яркого, тёмного портрета.

Мы женаты всего год, но большая часть этого времени прошла под знаком траура. Когда автокатастрофа в одно мгновение оборвала жизни моих родителей, Дамир стал моей единственной опорой, не давая окончательно соскользнуть в пропасть. Я честно пыталась собрать себя по кусочкам, но та роковая ночь всё ещё стоит у меня перед глазами. Тот звонок, те страшные слова... В ту секунду мне казалось, что моё сердце остановилось там же, на холодном шоссе, вместе с их сердцами.

Но Дамир... тогда он стал моим единственным спасением. Он не дал мне захлебнуться в собственном горе. На похоронах, когда земля глухо стучала о крышки гробов, он железной хваткой держал мою дрожащую руку. Его ладонь была такой большой и теплой, что казалась единственным якорем в этом шторме.

«Ты сильная, Настя. Ты справишься, — шептал он мне на ухо, и я верила каждому его слову.»

Долгими ночами, когда я просыпалась от собственного крика, задыхаясь от осознания одиночества, он притягивал

меня к себе. Его крепкая, тяжелая рука по-хозяйски обнимала меня за талию, прижимая к горячему телу. В те моменты, вдыхая его запах, я чувствовала себя в безопасности.

«Теперь я твоя семья, — говорил он в темноту спальни, и его голос вибрировал у меня в груди. Ты под моей защитой. Больше никто и никогда не сделает тебе больно.»

Зал ресторана утопал в золоте и тяжелых ароматах восточных специй. Сегодня праздновали юбилей Эльдара Асланович, отца Дамира. Я чувствовала себя здесь лишней: среди статных женщин с темными косами и мужчин с громогласными голосами.

Мой «любимый» муж, мой «якорь», сейчас стоял в нескольких метрах от меня и улыбался какой-то девахе. Он даже не пытался сохранить дистанцию. Напротив, он позволял ей касаться своего плеча, а его взгляд... я никогда не видела, чтобы он так смотрел на меня. Дамир буквально горел под её тяжелым, черным как сама ночь взглядом.

Я сидела в кругу его родственников, которые делали вид, что всё в порядке, но я то всё слышала. Эта незнакомка в открытую насмехалась надо мной, а Дамир лишь подливал масла в огонь своим молчанием.

Внутри меня всё закипело. Не выдержав, я вскочила с места, едва не опрокинув бокал, и почти подлетела к этой «милой» парочке.

— Дамир, что-то случилось? Почему ты ушел? — голос дрогнул, но я постаралась придать ему твердости. — Идем

ко всем, скоро начнутся тосты в честь твоего отца.

Я смотрела прямо на него, и на моем лице, кажется, было написано всё: и боль, и ярость, и мольба. Но Дамир даже не смутился. Он медленно перевел на меня ледяной взгляд, и на его губах заиграла та самая усмешка, от которой у меня по спине пробежал холодок.

— Настя, иди на свое место, — бросил он тоном, каким приказывают прислуге. — Я тебе что, зайчик на побегушках? Я встретил старую знакомую. Кстати, познакомься — это Зарина. Мы с ней с самого детства вместе росли.

Зарина окинула меня оценивающим взглядом и заискивающе улыбнулась Дамиру.

— Приятно познакомиться, Настя. Вам очень повезло с Дамиром. Знаю его очень давно! Мы с ним даже были влюблены друг в друга, да Дамир? — заулыбалась она моему мужу, протягивая мне руку, на которой в свете люстр вызывающе мерцали крупные бриллианты. Я демонстративно не заметила её жеста.

— Да, мне невероятно повезло, — ядовито усмехнулась я. — А вы, Зарина, я смотрю, всё еще одна? Вам ведь наверняка уже за тридцать, а семейный очаг так и не согрели?

Улыбка Зарины мгновенно превратилась в оскал. Она бросила на меня враждебный, колючий взгляд.

— Мне вообще-то двадцать восемь, — процедила она.

— Дамир, идем к столу, — я крепко схватила его за локоть, пытаясь увести, но он с такой силой вырвал руку, что

я едва устояла на ногах.

— Настя! — прошипел он мне прямо в ухо, и я почувствовала, как от него исходит волна чистой ярости. — Что ты себе позволяешь? Немедленно вернись на место и не смей позорить меня перед моими людьми! Я скоро подойду.

Его слова ударили больнее, чем пощечина. Я замерла, глядя в его глаза, которые когда-то казались мне добрыми. Сейчас в них не было ничего, кроме презрения. Да бывало Дамир был очень вспыльчивый при людях, но при мне он самый нежный и любящий. А тут девушка… Какая-то мымра заставила его нагрубить мне?

— Хорошо, Дамир. Отдыхай, — бросила я, стараясь, чтобы голос не сорвался на рыдания.

Я развернулась и пошла прочь через весь зал. Руки дрожали так, что я сжала их в кулаки. Ноги в туфлях на шпильке казались чужими — я так и не привыкла к этой обуви, которую Дамир заставлял меня носить «для статуса». Но под это вечернее платье не подошло бы ничего другого.

За спиной я отчетливо услышала заливистый, торжествующий смех Зарины и почувствовала на своей лопатке тяжелый, прожигающий взгляд Дамира.

Я не успела дойти до нашего стола, где уже рассаживались гости и многочисленные родственники, как мой взгляд наткнулся на Эмму Рубеновну. Моя свекровь стояла чуть в стороне, в тени колонны, и мило беседовала с какой-то женщиной, которая, видимо, только что подошла поприветство-

вать её. Они держали бокалы с золотистым игристым и улыбались друг другу так беззаботно, словно вокруг не было ничего, кроме этого праздника.

Я замерла в тени декоративных растений, скрытая от их взглядов снующими туда-сюда официантами. Музыка в зале гремела, но слова, которые они произносили, странным образом продирались сквозь шум, вонзаясь мне прямо в сердце.

— И что, он правда её любит, Эм? — женщина очень похожая на Зарину защебетала, осторожно оглядываясь на мое пустое место за столом. — Она ведь совсем не его типаж… Такая бледная, холодная. Как он её терпит? Дамир ведь любит ярких женщин!

Эмма Рубеновна изящно пригубила напиток, и на её лице промелькнула маска, которую она так тщательно скрывала от меня все это время.

— Саида, дорогая, ему приходится делать вид, — голос свекрови, всегда такой мягкий и обволакивающий, сейчас звучал как сухой шелест змеиной чешуи. — Это бизнес. Только бизнес. Дамир знает цену семейному делу, — и тут я почувствовала, как пол уходит у меня из-под ног, — Но я надеюсь, что детей у них не будет, — продолжала Эмма, и её глаза на мгновение сузились. — Я не хочу, чтобы эта девушка рожала ему наследников. Нам не нужна её кровь в нашем роду. Как только Эльдар все сделает, мы найдем Дамиру достойную партию.

Другую партию? Дамиру? Моему мужу который так красиво за мной ухаживал? Говорил слова о любви и клялся что мы вместе навсегда? И что Эльдар сделает ? Что она имеет в виду ? Про бизнес моего покойного отца который они вместе с Эльдаром Аслановичем расширяли когда стали партнера?

Каждое слово было как глоток яда. Эта женщина обещала заменить мне мать. Она была первой, кто обнял меня после смерти родителей, шепча: «Теперь ты наша, деточка, мы тебя в обиду не дадим».

Но если честно я всегда чувствовала от неё что-то не то, кожей ощущала фальшь, но списывала это на свою подозрительность и траур. Я так хотела верить, что хоть кто-то в этом огромном, холодном мире может быть рядом в такой тяжелый момент.

Оказалось, всё это время она просто делала вид. Моя свекровь, моя «вторая мама», на самом деле просто сторожила меня, как временный актив, от которого избавятся, как только он перестанет приносить прибыль.

Руки задрожали сильнее. Я смотрела на их улыбающиеся лица и понимала: я не в семье. Я в логове врага. И всё, во что я верила, было тщательно прописанным сценарием…

Ноги стали ватными, чужими, словно я внезапно разучилась ходить на этих проклятых шпильках. В глазах помутило, и на мгновение мне показалось, что стены роскошного зала начали медленно сжиматься, пытаясь раздавить меня под весом своего золота и фальши.

Я судорожно обернулась. Мой взгляд метался по залу, выхватывая лица хохочущих гостей, блеск столового серебра, чьи-то восторженные жесты. Я отчаянно искала Дамира. Мне нужно было увидеть его, схватить за плечи, заглянуть в глаза и спросить: «Что это значит? Что за бред несет твоя мать?!»

Но там, где всего несколько минут назад он стоял, опаленный взглядом Зарины, было пусто.

Я заскользила глазами по толпе, надеясь увидеть его высокую фигуру у барной стойки или среди мужчин. Его нигде не было. И, что еще страшнее, нигде не было той самой яркой брюнетки в красном платье, чей смех до сих пор звенел у меня в ушах, как похоронный марш.

Они исчезли одновременно.

Глава 2

Я стояла посреди зала продолжая искать глазами Дамира.

Вокруг гремела музыка — какой-то быстрый, торжествующий кавказский мотив. Гости аплодировали, кто-то выходил танцевать, а я стояла посреди этого праздника жизни, как призрак на собственных поминках. Всё вокруг казалось нереальным, картонным.

Дрожащими пальцами я выудила из сумочки телефон. Экран ослепил меня своей яркостью. Я набрала номер мужа, прижала трубку к уху так сильно, что стало больно.

Гудок…

Пустота на том конце провода отзывалась во мне физической болью. Он не отвечал. Дамир, который всегда перезванивал через секунду, если не успевал поднять трубку. Его нигде не было.

— Нет, нет, этого просто не может быть, — шептала я, судорожно сжимая телефон. — Мой муж, мой Дамир не мог... Он не мог так поступить со мной. С нами.

Я замотала головой, пытаясь отогнать липкий ужас, который нашептывал мне слова его матери. Это ошибка. Глупое недоразумение. Мать просто завидует нашему счастью или пытается стравить нас. Да, точно. Эмма Рубеновна всегда была сложной женщиной.

Он же любит меня. Я знаю это каждой клеткой своего те-

ла. Любовь нельзя так виртуозно сыграть. Сейчас я просто найду его, отведу в сторону и всё-всё расскажу. Он посмотрит на меня своим этим особенным, теплым взглядом, крепко обнимет, прижмет к своей груди, и я услышу, как быстро бьется его сердце. Он скажет: «Глупенькая, как ты могла в такое поверить?». И эта кошмарная реальность рассыплется в прах.

Этого не может быть. Это просто невозможно.

Перед глазами поплыли картинки нашего начала. Первая встреча на деловом ужине наших отцов. Я тогда была стеснительной девочкой, напуганной серьезными разговорами взрослых. А Дамир... он подошел ко мне, взял мою руку и так нежно коснулся её губами, что по коже пробежали электрические разряды.

— Я никогда не видел таких искренних глаз, как ваши, Настя, — сказал он тогда своим бархатным голосом.

И я пропала. В тот самый миг я поняла, что это судьба. А потом было наше первое свидание на вертолете — весь город лежал у моих ног, и он обещал, что так будет всегда. Конные прогулки на рассвете, когда мы мчались наперегонки, и он специально поддавался мне, чтобы увидеть мою улыбку... разве это можно подделать? Разве можно так смотреть на женщину, если ты её не любишь?

Нет, Дамир не такой. Он — моя скала. Мой защитник.

Я сейчас найду его. Обязательно найду. Я всё ему выложу. И тогда он вызовет свою мать. Он нахмурит свои густые бро-

ви — те самые, от одного взгляда которых у его подчиненных идет дрожь по спине. Он посмотрит на неё холодно, жестко, и заставит извиниться за каждое слово. За каждое оскорбление в мой адрес. За каждое сомнение в нашей любви.

Я поправила платье и, смахнув невольную слезу, решительно шагнула в сторону длинного коридора, ведущего к выходу на террасу.

— Дамир, где же ты? — сорвалось с моих губ.

Я еще не знала, что за дверью, которую я собиралась открыть, меня ждет правда, способная убить окончательно.

Прохладный воздух жадно ворвался в мои легкие, обжигая изнутри и напоминая: я жива. Я всё еще жива, несмотря на ватный гул в ушах. То, что мне наговорили там, внутри — ложь. Это не может быть правдой. Дамир любит меня, я знаю это, я чувствую это каждой клеткой своего тела.

На улице уже окончательно стемнело. Резкий, пронизывающий ветер рвал полы моего пальто, словно пытался удержать, не пустить дальше. Но я упрямо свернула за угол ресторана, туда, где в тени кирпичного выступа прятался служебный вход.

Я замерла. Сердце, которое только что колотилось о ребра, вдруг остановилось.

Там, в полумраке, освещенном лишь тусклым отблеском далекого фонаря, стоял он. Мой Дамир. Но его руки, те самые руки, что еще утром касались моего лица, сейчас бесстыдно задирали вверх подол ярко-красного шелкового пла-

тья. Женщина, прижатая им к стене, запрокинула голову, а он ласкал её так жадно и исступленно, будто в этом мире больше не существовало ничего — ни меня, ни наших клятв, ни нашей жизни.

Ветер на мгновение стих, и я, переборов тошноту, сделала шаг ближе, прячась за массивным мусорным баком. Мне нужно было услышать. Мне нужно было, чтобы эта правда добила меня окончательно.

— Скажи это, — прошептала она, извиваясь под его руками. — Скажи, что она для тебя — просто привычка. Я хочу быть с тобой Дамир. Как и раньше. Ты, я и наша любовь…

Дамир низко рассмеялся, и от этого звука по моей спине прошел ледяной холод, который был страшнее любого ветра.

— Тише, — выдохнул он ей в шею, не прекращая своих движений. — Ты же сама всё знаешь. Моя жена — это просто декорация. Удобный фасад, не более. Совсем скоро я покончу с этим спектаклем, уйду от неё, и мы наконец сможем быть вместе…

Голос Дамира, который всегда был для меня синонимом дома и безопасности, сейчас звучал чужим, холодным и пугающе расчетливым. Каждое слово вонзалось в меня раскаленной иглой.

— Дамир, я так скучала… Твои руки… ну же, возьми меня прямо здесь… — срывался голос этой брюнетки.

Она извивалась в его руках, а я стояла в тени, прижавшись спиной к холодному влажному камню стены, и чувствовала,

как внутри меня что-то окончательно и бесповоротно умирает. Меня тошнило. Дикая, мерзкая тошнота подступала к горлу, а перед глазами плыли кровавые пятна. Мой муж. Мой Дамир, который еще утром целовал меня в висок, сейчас называл меня «декорацией».

— Наклонись ниже, киса, — скомандовал он тем самым властным тоном, который я когда-то так любила.

Он грубо наклонил её перед собой, и я услышала торжествующий смех этой женщины. В этот момент ветер снова ударил мне в лицо, принося с собой запах её приторных духов. Мир не просто рухнул — он превратился в пепел, который этот самый ветер теперь развеивал по темным переулкам.

Крик застрял в горле комом битого стекла. Больше всего на свете мне хотелось сейчас выскочить из тени, вцепиться Дамиру в лицо, сорвать эту маску довольного зверя и спросить: «За что?». Но я не шевельнулась.

Слова про «декорацию» подействовали на меня лучше ледяного душа. Шок прошел, оставив после себя странную, звенящую пустоту, в которой начал кристаллизоваться холодный план. Если я — декорация в его спектакле, то пришло время сменить жанр с мелодрамы на кровавый триллер.

Я медленно, стараясь не издавать ни звука, отступила назад в темноту переулка. Мои пальцы, еще минуту назад дрожавшие от холода, теперь сжались в кулаки так сильно, что ногти вонзились в ладони. Я не должна показывать, что знаю.

Ни сейчас, ни завтра за завтраком, ни когда он вернется домой, пахнущий чужими духами и ложью.

Я буду улыбаться. Я буду идеальной «декорацией». Я буду той самой тихой женой, пока не соберу достаточно компромата, чтобы устроить ему и всей его заносчивой семейке настоящий разнос. Они привыкли считать меня слабой? Отлично. Это станет их самой большой ошибкой.

Я развернулась и пошла прочь от этого злосчастного места оставляя их насладиться друг другом, чеканя шаг. Ветер больше не казался мне враждебным — теперь он обжигал лицо, смывая остатки слез и закаляя мою новую решимость. Игра началась, Дамир. И ты даже не представляешь, что я — не просто фон. Я — та, кто сожжет этот театр дотла.

Глава 3

Вернувшись в ресторан, я почувствовала, как волна тошноты накрывает меня. Сначала показалось, что это от увиденного — от той картины, что врезалась в память. Или от осознания того, как со мной поступили. Но тело не спрашивало причин — я едва успела добежать до уборной.

Всё вышло почти мгновенно. Держась за холодный фаянс раковины, я вспомнила, что меня подташнивало ещё вчера, но тогда я не придала этому значения. Списала на нервы, усталость, что угодно.

Слёзы сами потекли по щекам, размазывая тушь чёрными дорожками. Я открыла кран на полную — ледяная вода обожгла ладони. Умылась, не жалея косметики, и подняла глаза на своё отражение.

Красные, опухшие веки. Бледное лицо. Размазанная тушь под глазами. Я выглядела так, как и чувствовала себя — разбитой.

Несколько минут я просто стояла, держась за раковину и пытаясь отдышаться. Потом достала из сумочки салфетки, методично стёрла остатки макияжа. Достала косметичку. Тональный крем. Консилер под глаза — толстым слоем, чтобы скрыть красноту. Тушь. Помада.

Каждое движение — механическое, автоматическое. Словно я собирала себя по частям, надевала маску обратно.

Ещё один взгляд в зеркало. Теперь лицо выглядело почти нормально. Почти.

Только глаза выдавали. В них всё ещё читалась боль. Но я не могла позволить себе слабость. Не сейчас. Не когда они думают, что я ничего не знаю.

Я должна держать лицо. Улыбаться. Играть роль любящей жены, которая ни о чём не подозревает. Пока не узнаю всё до конца.

Я найму адвоката — хорошего, того, кто специализируется на разводах и разделе бизнеса. Найму частного детектива, который выяснит, что именно они замышляют, какие документы готовят за моей спиной, куда переводят деньги. Я должна знать каждый их шаг, каждую встречу, каждый разговор.

Потому что я не собираюсь остаться ни с чем. Не после всего, через что прошла.

Мой отец...

Я закрыла глаза, и его лицо всплыло в памяти — строгое, но справедливое. Он ведь был партнёром отца Дамира. Эльдар Асланович — так папа всегда называл его с уважением. "Мой компаньон", — говорил он. "Человек слова".

Они вместе построили империю. Строительный бизнес, который начинался с небольшой фирмы и вырос в холдинг с десятками объектов по всей стране. Жилые комплексы, торговые центры, офисные здания. Папа занимался финансами и связями, Эльдар Асланович — техническими вопросами и

подрядчиками. Идеальный тандем.

Теперь я понимаю — это был план. С самого начала.

Я резко открыла глаза и снова посмотрела на своё отражение. Слёз больше не было. Только холодная решимость.

Они хотят меня обмануть? Пусть попробуют.

Я дочь своего отца. И я не отдам то, что он построил, без боя.

Когда папа умер, Эльдар Асланович взял меня под крыло. Он пришёл на поминки, обнял меня, как родную дочь, и сказал:

— Теперь дело твоего отца продолжаем мы. Ты не одна. Ты — часть нашей семьи.

Я помню, как он объяснял мне, что теперь на месте моего отца в управлении компанией будет стоять Дамир. Мой муж.

— Так правильно, — говорил Эльдар Асланович. — Ты же не будешь сама ездить на стройки, разбираться с подрядчиками, решать вопросы. Это мужская работа. Дамир — твой муж, он твоя семья. Он будет представлять твои интересы. А я, как старший, буду следить, чтобы всё шло как надо.

Я тогда думала, что так и должно быть. Что это нормально. Мой муж — моя семья. Он будет защищать меня, заботиться обо мне, вести бизнес вместо папы.

Ведь в этом бизнесе моя доля. Половина. Пятьдесят процентов всего холдинга. Отец заранее позаботился обо мне.

Я помню тот день — мне было двадцать два года. Папа зашёл ко мне в комнату рано утром, сел на край кровати.

— Собирайся. Нам нужно съездить к нотариусу.

— Зачем? — спросила я, ещё сонная.

— Оформим документы. Важные.

Я не понимала тогда, зачем это нужно. Папа был здоров, полон сил. Ему было всего пятьдесят три. Казалось, впереди ещё целая жизнь.

Мы приехали в нотариальную контору. Папа достал папку с документами — устав компании, выписки из реестра, какие-то договоры. Нотариус — пожилая женщина в строгом костюме — внимательно всё проверила.

— Вы уверены? — спросила она папу.

— Уверен, — ответил папа твёрдо. — Это моя дочь. Она должна быть защищена.

Он повернулся ко мне.

— Слушай меня внимательно. Я переоформляю на тебя свою часть нашего дела с Эльдаром. Теперь ты равноправный партнёр. Без твоей подписи нельзя принять ни одного серьёзного решения. Понимаешь?

Я кивнула, хотя не до конца понимала.

— Если со мной что-то случится, — продолжал он, — Ты не останешься ни с чем. У тебя будет твоя доля. Никто не сможет тебя обмануть. Но запомни: никогда не подписывай документы, не прочитав. Никогда не доверяй на слово. Даже мужу. Бизнес — это не семья. Здесь доверие стоит денег.

Я подписала документы. Нотариус поставила печать. Папа обнял меня.

И когда его не стало я думала не о его бизнесе, я думала о нем. Думала о маме… О той ужасной аварии где мой отец не справился с управлением… Мне было настолько больно и страшно в тот момент. Но я считала что я не одна. Со мной был Дамир, его отец и мать, которые не оставят.

— Не думай ни о чём. Мы всё возьмём на себя. Ты же у нас теперь совсем одна.

Я не была одна. У меня был Дамир. Мой муж. Моя семья. Эльдар убедил меня, что Дамир теперь будет "представлять мои интересы" в компании. Что так правильно. Что женщине не место на стройках и переговорах.

Поправив причёску, я развернулась и вышла из уборной. Пора возвращаться к столу. Улыбаться. Играть свою роль. Пока не придёт время снять маски со всех

Вздохнув еще раз глубоко я решилась сделать шаг. Мне не хотелось притворяться. Но мой развод пускай будет для Дамира сюрпризом.

Выйдя из уборной, я тут же столкнулась с Дамиром. Его хмурый и пронзительный взгляд не вызывал теперь ничего, кроме пустоты. Его губы были красными от поцелуев с этой дамой, волосы слегка растрепаны, рубашка помята. Но глаза... глаза были настолько спокойными, отстраненными. Будто он действительно ничего такого не делал. Будто только что не целовал другую женщину в десяти метрах от меня.

Передо мной стоял мой Дамир. Мой муж. Тот, с кем я делила постель, мечты, тихие утра с кофе на двоих. Тот, кого я

любила всей душой и телом. Который всегда вызывал во мне бурю эмоций — от головокружительной нежности до непоколебимой уверенности в себе. Рядом с ним я чувствовала себя женщиной. Нужной. Желанной.

А сейчас передо мной стоял предатель.

Тот самый, который использовал меня все это время как декор. Как выгодную инвестицию в его бизнес с отцом. Красивую жену из правильной семьи. Удачное приобретение.

Но как? Как он мог так нежно держать меня за руку, смотреть в глаза с такой искренностью, шептать на ухо слова, от которых я таяла? Как можно так мастерски врать, целуя в лоб перед сном?

Я смотрела на него и не узнавала. Или, может быть, впервые видела настоящего?

— Настя? Что ты здесь делаешь? Ты звонила? Я выходил поговорить с товарищем, — прокашливается Дамир с такой уверенностью заглядывая мне в глаза. — Ты что плакала? — спрашивает он. Настя, я же сказал чтобы ты шла на свое место. Я общаюсь с людьми, а ты обижаешься.

— Я не обижаюсь Дамир. И нет я не плакала, тебе показалось, — спокойно отвечаю я, а внутри кипит буря, мне так хочется спросить у него за что, за что ты трахал эту девицу прямо за углом как последнюю дешевку. Но я молчу. Я должна молчать. Я должна увидеть и убедится своими глазами как этот мужчина будет растерян когда узнает что я ухожу. Ухожу не с пустыми руками. Я не оставлю этим людям

ничего. Я раздавлю их в грязь.

И пусть. Пусть Дамир Эльдарович продолжает играть в свои игры. Пусть думает, что я — его послушная, наивная жена, которая верит каждому его слову. Пусть наслаждается своей победой.

Потому что очень скоро он поймет, что недооценил меня.

Очень скоро он узнает, что значит потерять всё.

— Пойдем, — говорю я, беря его под руку и натягивая на лицо улыбку. — Не будем заставлять гостей ждать.

Его плечи расслабляются. Он облегченно выдыхает. Он думает, что выиграл.

Какой же он глупец.

Глава 4

Дамир галантно отодвинул мне кресло, дожидаясь, пока я сяду. Раньше этот жест казался мне проявлением любви и истинного благородства, а теперь я чувствовала фальшь каждой клеточкой кожи. Стоило ему коснуться моей спины, как по телу пробежал ток брезгливости.

Напротив, словно стервятники над добычей, сидели моя свекровь и эта женщина, Саида. Они перешептывались, бросая на меня косые взгляды, и я кожей чувствовала, как они плетут паутину, в которой мне отведена роль жертвы.

В горле пересохло так, что стало больно дышать. Дамир, не замечая или делая вид, что не замечает моего состояния, то и дело прикладывался к бокалу. Запах дорогого алкоголя, исходящий от него, вызывал во мне лишь глухое раздражение.

— Насть, че не ешь? Посмотри, сколько всего здесь, — он бесцеремонно толкнул меня в плечо как раз в тот момент, когда я поднесла к губам бокал с ледяной минералкой.

Рука дрогнула. Вода выплеснулась, оставляя на светлой ткани платья темное, расползающееся пятно. Холодная влага обожгла кожу, но внутри меня всё пылало от ярости.

— У меня нет аппетита, — прошипела я, не глядя на него.

Я схватила салфетку, пытаясь промокнуть воду, но руки мелко дрожали.

— Настенька, деточка, ты сама на себя не похожа. Лица нет, — раздался, пропитанный ядом голос Эммы Рубеновны. — Ты не заболела? Может, Дамир отвезет тебя домой? Отдохнешь, придешь в себя…

Она улыбалась, но в глазах её застыло ожидание. Они хотели, чтобы я ушла. Мешала ли я им закончить обсуждение их грязных планов?

— Спасибо, Эмма Рубеновна, я совершенно здорова, — я заставила себя растянуть губы в ответной фальшивой улыбке. — Просто здесь слишком душно.

Я резко встала, так, что ножки стула со скрежетом проехались по паркету. Дамир тут же перехватил меня за талию. Его ладонь — та самая, что еще недавно казалась мне самой надежной защитой, та, что гладила меня по волосам, когда я плакала — теперь ощущалась как раскаленное клеймо. Чужая. Грязная. Омерзительная.

— Насть, ты куда? Ну извини, я же не специально, — в его голосе прорезалось раздражение, смешанное с хмельной удалью.

— Мне нужно выйти ненадолго, Дамир. Отдыхай, — бросила я, вглядываясь в его затуманенные глаза.

В уборной меня настиг приступ. Желудок скрутило спазмом, и меня мучительно вырвало. Опершись о холодный мрамор раковины, я жадно глотала воздух, пытаясь унять дрожь. И вдруг в голове вспыхнула страшная догадка. Календарь. Задержка.

«Нет, нет, только не это… Господи, пожалуйста, только не сейчас», — билась в висках одна и та же мысль. Оказаться связанной ребенком с этим чудовищем, с этим человеком, который только что лапал другую за углом, было выше моих сил.

Я включила холодную воду, чтобы умыться, и в этот момент дверь открылась. В зеркале отразилась она. Зарина. В том самом красном платье, которое теперь казалось мне цветом свежей крови. Она замерла у входа, рассматривая меня с нескрываемым превосходством.

Мое сердце сжалось от боли и ярости. Пока я сидела за столом с его семьей, пытаясь сохранить остатки своего достоинства, он прикасался к ней. А теперь она здесь, стоит и смотрит на меня так, будто я — досадное недоразумение в их счастливой жизни.

— О, Настя! Что-то случилось? — Зарина подошла ближе, и в воздухе разлился приторный аромат её духов, от которого меня снова едва не вывернуло. — Я слышала… вам плохо стало. Если желудок шалит, у меня есть лекарства, я всегда ношу с собой.

Она приторно улыбнулась, сделав голос жалостливым, но в её глазах, ярко подведенных черным, плясали искры торжества. Она наслаждалась моей слабостью.

— Нет. Всё уже в порядке. Не стоит беспокоиться, — я холодно промокнула губы салфеткой, глядя на своё бледное отражение в зеркале. Я чувствовала, что держусь на честном слове, и малейший толчок разрушит мою плотину самообладания.

— Дамир рассказывал о ваших родителях… — она понизила голос до доверительного шепота, присаживаясь на край мраморной столешницы. — Искренне сочувствую. Такой стресс… Вам бы проверить здоровье, Настя. От нервов ведь всякое бывает.

Я замерла. Дамир обсуждал наши семейные трагедии с ней? С этой дешевкой в красном? Горький ком подкатил к горлу.

— А Дамиру, сами понимаете, нужна здоровая женщина, — продолжала она, поправляя идеально уложенный локон. — Мужчине его статуса важно продолжать род. Ему нужно крепкое потомство… А вы такая бледная, такая худая. Обычно с таким весом, как у вас, возникают… проблемы с беременностью.

«Потомство». Это слово хлестнуло меня по лицу. Оно звучало так дико, так первобытно и грязно из её уст. Будто мы обсуждали не рождение ребенка, а разведение породистого

скота. В голове вспыхнули мысли о задержке, о тошноте, о том, что внутри меня, возможно, уже теплится жизнь от человека, который предал всё, что нам было дорого.

— С таким весом что?! — я резко развернулась к ней, отбросив мокрую салфетку. Мои глаза пылали, а страх на мгновение отступил, уступив место ледяной ярости. — Ты, я смотрю, слишком много на себя берешь, Зарина? —

я сделала шаг к ней, заставив её чуть отпрянуть. — Послушай меня внимательно, — мой голос опустился до опасного, ледяного шепота. Я звенящим взглядом пригвоздила её к месту. — Мой вес, моё здоровье и уж тем более мои отношения с мужем — это исключительно мои проблемы. Тебе всё ясно?!

— Еще и грубиянка, — Зарина вызывающе рассмеялась, ничуть не испугавшись, а лишь сильнее распаляясь. — Я ведь чисто по-женски, советом помочь хотела. А Дамир говорил, ты скромная, тихая... В сексе, небось, тоже никакого разнообразия, да?

Внутри меня будто сорвало предохранитель. Вся боль, унижение и ярость последних дней сошлись в одной точке. Прежде чем она успела договорить, я рванулась вперед и мертвой хваткой вцепилась в её темное от загара плечо. От неё удушливо пахло приторным, тошнотворным парфюмом. Одним резким движением я впечатала её спиной в холодную кафельную стену.

Зарина пискнула, её глаза округлились от неожиданности.

— Побереги лучше своё здоровье, — прошипела я ей прямо в лицо, чувствуя, как ногти впиваются в её кожу. — На улице слишком холодно для такого откровенного платья. А то смотри, сглазишь саму себя — и вообще родить не сможешь.

В этот момент тишину уборной прорезал громкий, требовательный звонок телефона. Ручка двери резко дернулась, и на пороге вырос Дамир. Взгляд его был тяжелым, злым.

— Настя? Что здесь происходит? Что ты делаешь? — строго, с нажимом спросил он, моментально оценив диспозицию.

— Дамир! — тут же запищала Зарина, мгновенно переключаясь в режим беззащитной жертвы. Она попыталась вывернуться из моих рук, преувеличенно морщась. — Эта ненормальная просто набросилась на меня! Приревновала на пустом месте! Даже поговорить уже нам с тобой нельзя…

Дамир сделал шаг ко мне, его лицо перекосилось от раздражения.

— Настя, иди на место. Отпусти Зарину. Ты что, не могла со мной сначала поговорить?! Что это за дикие нападки?! У отца юбилей, а я ищу тебя по всем углам. Ты хочешь, чтобы он обиделся, что нас нет за столом во время тостов?!

Я медленно разжала пальцы и сделала шаг назад. На моих губах змеилась горькая, презрительная усмешка.

— Я тебе не собака, Дамир, чтобы командовать мне «на

место», — отчеканила я, смерив его взглядом, полным такого отвращения, от которого он, кажется, на секунду протрезвел. Напоследок я с силой оттолкнула от себя эту дешевку.

Зарина демонстративно поправила платье, потерла плечо и перевела победоносный взгляд на Дамира. В её глазах светилось чистое, неподдельное удовольствие — она праздновала маленькую победу. Она ведь наивно полагала, что я бьюсь в конвульсиях ревности за право быть рядом с её любовником. Бедная... Она и представить не могла, что её драгоценный Дамир, за которого она так отчаянно воюет, для меня больше не стоит ровным счетом ничего.

Я резко развернулась и вылетела из уборной, на ходу жестко задев Дамира плечом.

В зале оглушительно гремела музыка, сверкали огни, гости кружились в танце, создавая иллюзию абсолютного счастья. На выходе из коридора я едва не столкнулась с Эльдаром Аслановичем. Свекор сразу заметил мое перекошенное лицо и замер.

— Настя? А где Дамир? Я его ищу по всему залу... — он осекся, заметив мою дрожь, и в его глазах тут же разлилась неподдельная тревога. В этот же момент из коридора уборных один за другим показались Зарина и поправляющий пиджак Дамир. — У тебя что-то случилось, дочка? Этот поганец тебя обидел чем-то?

Я видела, как его глаза нервно бегали. Он переживал. Но не за мое разбитое сердце, а за то, что наш брак с Дамиром —

это фундамент его важнейшей, самой выгодной финансовой сделки. Мой уход разрушил бы этот карточный домик.

— Нет, всё в порядке, правда, Эльдар Асланович, — я заставила себя расправить плечи и беззаботно пожала ими, хотя внутри всё выло от боли. Я улыбнулась ему самой фальшивой из своих улыбок. — Просто в зале стало слишком душно... Вот и решили пойти умыться. Все разом.

Оставив свекра переваривать эту фразу под его тяжелым, внезапно посерьезневшим и проницательным взглядом, я пошла прочь сквозь толпу.

Глава 5

Дамир

— Дамир, я не знаю, что на неё нашло! Она как зверь накинулась на меня, — Зарина вскидывает руки, прижимаясь спиной к холодным плиткам стены. В её глазах — фальшивый испуг, а на губах — едва уловимая торжествующая усмешка.

Я зашел в туалет вовремя. Картина маслом: две мои женщины в одном тесном пространстве. Настя сегодня выглядела странно, если не сказать пугающе: восковая бледность, тени под глазами, дрожащие пальцы. Она не прикоснулась к еде, и это заставило меня пойти за ней. Я хотел спросить, не вызвать ли врача, но вместо ответов наткнулся на этот ядовитый финал их перепалки.

— Ты что-то ей сказала?! Ты с ума сошла?! Я же тебе четко приказал: будь тише воды, ниже травы! Ты хоть соображаешь, что творишь?! — мой голос срывается на рык.

Я смотрю на Зарину. Моя личная погибель. «Огненная женщина» — это не эпитет, это её суть. Каждое наша встреча — это пепелище, каждый поцелуй — удар током. Она сводит

меня с ума одним только взглядом с прищуром, и я знаю, что у меня давно сорвало крышу от этой зависимости. Мы — два одинаковых полюса, нас отталкивает друг от друга с той же силой, с какой тянет назад. Мы ломали друг друга годами: сходились, бились в истериках, расставались «навсегда», чтобы потом снова захлебнуться страстью.

А потом вмешался отец.

«Бизнес требует жертв, Дамир. Эмоции — это для бедных. Нам нужен этот союз», — его слова до сих пор звучат в моей голове как приговор. Я должен был не просто понравиться дочери его главного партнера — я должен был стать её миром. Приручить. Жениться. Оставить Зарину чтобы не было подозрений.

С «понравиться» проблем не возникло. Я умею охмурять, умею носить маску идеального мужчины, как вторую кожу. Настя влюбилась в меня мгновенно, без оглядки, со всей той чистотой, которая обычно меня раздражала в людях.

И вот уже год мы делим одну территорию. Спим в одной широкой кровати, где я часто лежу без сна, глядя в потолок и размышляю о высоком. Завтракаем за столом из массива дуба, чистим зубы у одной раковины, отражаясь в зеркале как идеальная пара из рекламы. Все было слишком гладко.

Слишком правильно. Я — влиятельный Дамир Эльдарович, и она — моя тихая, белокурая Настя.

Мне казалось, что она прозрачная, как горный ручей. Слишком равнодушная к деньгам, чтобы в чем-то меня подозревать, и слишком… глупая? Или просто слишком любящая, чтобы видеть людей насквозь. Я привык считать её удобной гаванью, в то время как мое сердце всегда принадлежало шторму по имени Зарина.

Но сегодня, глядя на Настину мертвенную бледность и немое безразличие ко мне, я впервые почувствовал, как мой идеально выстроенный замок из лжи начинает осыпаться прямо мне под ноги.

Нет, я не влюбился. Я не из тех, кто теряет голову от нежности. Я просто слишком… привык к ней. Если бы всё зависело только от меня, я бы оставил Настю рядом навсегда. Как мебель. Дорогую, изысканную, безупречно удобную и чертовски комфортную мебель, которая не скрипит и всегда стоит на своем месте. Она была моим убежищем, тишиной, в которой я нуждался после рева внешнего мира.

Но Зарина… Боже, эти её руки. Одно её прикосновение — и я превращаюсь в пепел. Она сражает меня наповал, выбивает почву из-под ног, заставляя забыть о приличиях. Меня тянет к ней без остатка, какой-то животной, темной тягой. Я люблю эту болезненную связь, этот надрыв. Она хо-

чет видеть меня своим мужем, хочет детей от меня — таких же яростных и неукротимых, как она сама. Хотя холодный рассудок внутри меня продолжает твердить: идеальнее Насти жены просто не существует.

Зарина — это всепожирающее пламя. А Настя… Настя — это свет.

Этот её наивный, обезоруживающий взгляд по утрам, когда она только открывает глаза. Она смотрит на меня так, будто я — её личная Вселенная, её Бог и единственная опора. Никто и никогда не смотрел на меня так. Без вызова, без корысти, без желания что-то заполучить. Секс у нас другой — он спокойный, почти тягучий, пронизанный какой-то пугающей меня нежностью. С ней я другой. Я ловлю себя на мысли, что боюсь причинить ей боль, боюсь сломать её, как хрупкую статуэтку. Настоящую страсть и грязь я могу найти на стороне или в объятиях Зарины, но то, что происходит с Настей после…

Наши разговоры. После этих безумных ласк, когда в комнате воцаряется тишина, мы говорим обо всем на свете. Я, Дамир, человек, который привык отдавать приказы и подписывать контракты, вдруг рассказываю ей то, что годами прятал под замком. Я никогда ни с кем не говорил по душам. Ни с друзьями, ни с матерью, ни с отцом. В моей семье всё всегда было «по делу».

Всё детство отец ковал из меня «мужика». Он выжигал во мне любые ростки слабости. Малейшее проявление чувств

считалось преступлением. Маме запрещалось даже сюсюкаться со мной, она стояла в стороне, когда отец за каждую провинность наказывал меня — жестоко, сухо и, как он считал, справедливо. Я вырос бетонной стеной.

Но Настя… она каким-то образом нашла трещину в этом бетоне. Она растопила во мне что-то, что я считал давно мертвым. И это пугает меня до дрожи в коленях. Я ненавижу эту свою слабость. Я не хочу даже допускать мысли о том, что она стала для меня чем-то большим, чем просто «удобный вариант».

Я не хочу, чтобы кто-то в этом мире — и уж тем более Зарина — узнал, что этот жесткий зверь внутри меня умеет быть мягким. Не специально, не для того, чтобы охмурить, а на самом деле. По-настоящему.

— Ничего, Дамир… Я просто очень ревную. Ты ведь правда давно её не трахал? Мне кажется… — Зарина опускает глаза, и я вижу, как предательски дрожат её губы.

Она ревнует меня дико, до исступления. Она кожей чувствует подвох, но отчаянно пытается отрицать очевидное: Настя — красивая женщина, и она — моя жена. Я обещал Зарине, что это временно. Убеждал, что нужно потерпеть, иначе отец вышвырнет меня на улицу быстрее, чем я успею произнести «банкротство». Ведь если бы не капитал Настиного отца, наша империя давно бы превратилась в пыль. Зарина и сама это понимала: я без денег, без влияния и этой роскошной жизни был ей не нужен. Мы планировали стро-

ить наше будущее на костях этого брака по расчету. Семья, дети, общие планы — всё это стоило баснословных денег, которых у нас могло не быть.

— Правда, Зарина, — бросаю я ей в лицо, и это вранье ощущается на языке как горький пепел.

Я вру ей, глядя прямо в глаза, а в голове — вспышки воспоминаний. Настя в постели — это не дикий, изнуряющий секс, к которому я привык. Это нежность, от которой сводит зубы. Я ловлю губами каждую ямочку на её теле, боясь пропустить хоть миллиметр этой шелковой кожи. Это наслаждение совсем другого порядка, оно не разрушает, а… наполняет.

— Ну конечно… Она же как палка худая. Что в ней женственного? — цедит Зарина, и в её голосе столько яда, что хватило бы отравить весь этот мир.

Она льнет к моим губам, пытаясь вернуть себе территорию, запечатлеть свой след, но я резко, почти грубо, отталкиваю её.

— Не смей. Я пошел за ней. Не подходи ко мне больше, — чеканю я каждое слово.

Мне нужно уйти. Нам нельзя светиться вместе, этот карточный домик и так держится на честном слове. Я выхожу из туалета, стараясь выровнять дыхание, и буквально натыкаюсь на суровое, застывшее лицо отца.

Он стоит в коридоре как изваяние. Смотрит на меня так, словно я только что разрушил всё, что он строил десятиле-

тиями. В этом взгляде нет любви — только ледяной расчет и разочарование.

— Ты забываешься, Дамир, — его голос звучит тихо, но этот звук страшнее любого крика. — Ты думаешь, я не вижу, чем ты занят за моей спиной? Настя — это твой билет в жизнь. Твой и мой. Если она сейчас уйдет или что-то заподозрит, я лично позабочусь о том, чтобы ты узнал, что такое настоящая нужда.

Я смотрю на него и чувствую, как внутри снова всё каменеет. Отец всегда умел это делать — превращать меня в послушное орудие.

— Все хорошо пап. Я все исправлю. Не переживай она ни о чем не догадывается…

— Иди к жене. И приведи её в чувство, — командует он, указывая взглядом в сторону застолья.

Я шагаю почти механически, покорно исполняя волю отца, пока взгляд лихорадочно выхватывает из толпы её силуэт. Настя на месте. Она сидит за столом, неподвижная и предсказуемая, словно пригвожденная к стулу собственной преданностью. Глупо было ожидать иного: она никуда не делась и никогда не денется. Я слишком глубоко пророс в её сознание, став для этой девочки единственным ориентиром, центром её хрупкой вселенной — смыслом, ради которого она готова дышать.

Глава 6

Настя

Мне пришлось примерить на себя силу, которую я никогда не хотела иметь. Оказалось, что "держать лицо" — это физическая боль, сравнимая с ожогом. Я заставляла свои губы растягиваться в улыбке, глядя на человека, который еще вчера целовал каждый сантиметр моей кожи, называя меня своей единственной, а сегодня — просто вытирал об меня ноги своим предательством.

Слезы стояли в глазах, но я не позволила ни одной капле сорваться. Весь вечер мой взгляд был прикован к Дамиру. Он танцевал, окутанный хмельным туманом, а вокруг него, словно назойливая тень, кружила Зарина. Она сияла, ловила его движения, но Дамир... Дамир вел себя странно. Он словно выстроил невидимую стену, старательно не замечая её присутствия. В каждом его подчеркнуто равнодушном жесте я видела страх — он наконец понял, что я больше не верю в его сказки. Его осторожность была не верностью, а трусостью пойманного зверя.

***

Едва переступив порог нашего дома, я бросилась в душ, срывая с себя одежду, которая, казалось, пропиталась Дамиром насквозь. Его удушливый след был повсюду. Тот парфюм, что он дарил мне с приторной нежностью, умоляя ду-

шиться только им — "ведь он сводит меня с ума", — теперь ощущался как клеймо. Украшения, которые он выбирал с такой тщательностью, якобы подчеркивая мою красоту, вдруг стали холодными стальными оковами. Каждое кольцо, каждый браслет были не признанием в любви, а инвентарным номером в его частной коллекции.

Я отшвырнула шелк и кружево в сторону и шагнула под обжигающие струи. Горячая вода больно ударила по плечам, но мне этого было мало. Я хотела содрать с себя этот день, этот вечер, его запах и фальшивые взгляды. Здесь, за закрытой дверью, среди густого пара, мне больше не нужно было держать спину. Я наконец позволила себе обмякнуть, позволяя слезам смешаться с водой.

Я вышла из ванной, окутанная ароматом крема и свежести, стараясь вернуть себе хотя бы иллюзию контроля. Но в спальне меня ждал Дамир. Он сидел на краю нашей постели, и в свете ночника его улыбка казалась почти святой. В руках он держал бежевое кружево — тот самый пеньюар, который я купила в наш медовый месяц, когда мы верили, что впереди только вечность вдвоем.

— Надевай, — его голос был мягким, но в нем прозвучала та самая сталь приказа, от которой у меня раньше слабели колени. — Я хочу видеть тебя в нем, Насть…

Он смотрел на меня с такой нежностью и страстью, что если бы не те несколько минут за рестораном, я бы снова бросилась в его объятия. Но сейчас этот взгляд обжигал хуже

кислоты. Перед глазами, как зацикленная пленка, крутилась другая сцена: темнота, стена ресторана и то, как грубо, почти по-звериному, он брал её там. Грязь, чужие стоны — и эти же самые руки.

Меня накрыла волна тошноты. Живот скрутило спазмом, и в голове пульсировала только одна страшная мысль: "Только бы не ребенок. Господи, только бы я не была беременна от этого человека".

— Дамир, прости… мне нужно… — я не договорила, сорвавшись с места и снова скрываясь за дверью уборной.

Сердце колотилось о ребра, как пойманная птица. Дрожащими руками я выудила из самого дальнего угла ящика заветную коробочку. Тест на беременность. Я купила его втайне, "на всякий случай", хотя Дамир всегда твердил, что всё под контролем. Он мастерски убеждал меня, что нам рано, что я еще слишком слаба после гибели родителей, что я "не справлюсь".

Как же удобно он это обставил. Мое горе стало для него инструментом, поводом держать меня в золотой клетке, лишая права даже на мечту о ребенке. А я… я верила. Я грезила тем днем, когда подарю ему сына или дочь, когда мы станем настоящей, нерушимой семьей. Я строила замки на песке, пока он топтал их в подворотнях ресторанов. И теперь этот кусочек пластика в моих руках казался либо последним шансом на спасение, либо окончательным приговором.

Эти минуты ожидания в ванной стали самыми длинными

в моей жизни. Пластиковый прямоугольник лежал на краю раковины, а я смотрела на него, не смея дышать. В голове набатом стучало: «Только бы не сейчас. Только не так». Но подсознание уже знало ответ.

Первая полоска проявилась мгновенно. Я зажмурилась, считая про себя до десяти, молясь, чтобы на этом всё и закончилось. Но когда открыла глаза, мир окончательно рухнул. Рядом с первой медленно, но уверенно проступала вторая.

Две. Четкие. Яркие.

— Нет… нет, пожалуйста, — прошептала я, закрывая рот рукой, чтобы не закричать.

Я опустилась на холодный кафель, чувствуя, как по щекам текут обжигающие слезы. Рука сама собой, почти инстинктивно, легла на живот. Там еще ничего не было заметно, но я уже чувствовала это — новую жизнь, которая зародилась от человека, ставшего для меня чужим всего час назад. Это была мечта, обернутая в колючую проволоку. Я всегда хотела этого ребенка, но не как заложница его измен.

В дверь резко и требовательно постучали. Я вздрогнула так, будто в меня выстрелили.

— Насть, ты в порядке? — голос Дамира звучал приглушенно, но в нем уже слышались нотки нетерпения. — Ты там заснула, что ли? Выходи, я жду.

Его голос, который я так любила, теперь вызывал лишь физическую тошноту. Я судорожно вытерла слезы, глубоко

вдохнула, пытаясь унять дрожь. Спрятала тест в самый низ корзины под салфетки — он не должен узнать. Не сейчас.

Я вышла из ванны, натянув на себя маску безразличия, которую так долго тренировала в ресторане. Дамир тут же поднял глаза на меня, всё еще держал тот злосчастный пеньюар.

— Ну наконец-то, — он улыбнулся той самой белозубой улыбкой, от которой я раньше таяла.

Он шагнул ко мне, притягивая за талию. Его руки, еще пахнущие этим вечером, нагло скользнули по моей спине. Он начал покрывать мою шею поцелуями, его дыхание обжигало кожу, а я стояла неподвижно, как ледяная статуя.

Когда он попытался развязать пояс моего халата, его пальцы коснулись моего живота. Меня прошиб ток. Внутри всё кричало: «Не трогай! Не смей касаться нас своими грязными руками!»

— Насть, ты чего такая холодная? — он отстранился на секунду, заглядывая мне в глаза с напускной тревогой, но в его взгляде была лишь похоть. — Давай, расслабься…

Он снова потянулся ко мне, пытаясь повалить на кровать, его губы искали мои. И в этот момент я поняла это с абсолютной, звенящей ясностью. Пусть он думает, что всё по-прежнему. Пусть он играет в своего «идеального мужа». Но этот человек больше никогда не получит доступа к моему телу. Никогда не коснется моего ребенка.

Я предана, но теперь я не одна. И ради того, кто сейчас

внутри, я стану в сто раз сильнее, чем была до этого. Его время в моей жизни истекло.

Ложь Дамира была безупречной. Если бы я не видела всё своими глазами, я бы сейчас растаяла в его руках, прося прощения за свою «мнительность». Но сейчас его слова о любви звучали как издевательство.

— Нет, Дамир. Всё хорошо, — прошептала я.

Я прикоснулась к его лицу. Моя ладонь дрожала, и я превратила эту дрожь в нежное поглаживание. Я смотрела на него и думала: «Как ты можешь? Как ты можешь лгать мне в глаза, зная, что ты делал?»

Его руки сжали мои бедра, и меня едва не вывернуло прямо на него. Память услужливо подбросила образ: эти же руки на спине Зарины, тот же жадный блеск в глазах.

— Дамир, стой… — я резко, но аккуратно перехватила его ладони, прижимая их к своей груди, делая вид, что мне тяжело дышать. — Стой, мне… мне очень плохо.

Он замер, нахмурившись.

— Что значит плохо?

Я приложила руку ко лбу, зажмурилась и чуть покачнулась, заставляя его подхватить её под локоть.

— Кажется, у меня встал желудок еще со вчера. Помнишь, я говорила, что рыба была странного вкуса в том кафе куда мы заезжали? Весь вечер в животе тяжесть, а сейчас… — я сделала паузу, изображая подступившую тошноту, — Сейчас меня просто выворачивает наизнанку. Я полчаса в туа-

лете не просто так сидела, Дамир.

Я посмотрела на него — мои глаза и так были красными от слез, что только добавило убедительности моему «болезненному» виду.

— Живот просто режет, — я жалобно шмыгнула носом. — Прости, родной, но какой сейчас пеньюар… Мне бы доползти до кровати и чтобы меня никто не трогал. Я боюсь, что если ты меня сейчас обнимешь, мне станет еще хуже.

Дамир заметно сник. Его лицо исказилось от досады — он не любил, когда его планы нарушались, особенно физиологическими подробностями.

— Отравилась? — переспросил он, медленно разжимая руки. — Может, вызвать врача?

— Нет-нет, я выпила сорбенты, — быстро перебила я, стараясь, чтобы голос не дрожал от страха. — Мне просто нужен покой. Иди, я скоро лягу, — я убрала руку, чувствуя, как место прикосновения начинает гореть. Хотелось снова вернуться в душ и содрать кожу мочалкой. Но я лишь стояла и ждала, когда он наконец уйдет.

— Ладно, — он наконец сдался, запечатлев на моем лбу поцелуй, который ощутился как клеймо. — Спи. Утром проверю твое самочувствие. Пойду съем тогда что-нибудь… — бегло сказал он и вышел из спальни.

Внутри меня, под сердцем, пульсировала новая жизнь. Наша общая жизнь. И этот ребенок был единственной причиной, по которой я сейчас не закричала, не вцепилась ему

в лицо ногтями. Я должна была играть. Я должна была стать лучшей актрисой в мире, чтобы защитить то маленькое существо, которое Дамир уже предал, даже не зная о его существовании.

«Мы справимся», — прошептала я в пустоту темной спальни, едва касаясь пальцами живота. — «Я найду способ вырваться из этого ада. Обещаю».

Глава 7

Я не смыкала глаз до самого рассвета, методично просеивая десятки сайтов. Пока возле меня громко похрапывал Дамир.

Отзывы, рекомендации, кейсы — мне нужен был лучший адвокат города. Тот, кто не дрогнет перед влиянием семьи Дамира. На моей карте всё еще лежала солидная сумма — мой ресурс и моя свобода. Дамир мог сколько угодно тешить себя иллюзиями, что бизнес принадлежит только ему и отцу, но мы оба знали: моя доля в нем неоспорима, даже если я не пачкала руки в их офисных интригах.

Но одной юридической защиты было мало. Мне нужны были факты, а не догадки. Когда я наткнулась на сайт частного детектива, рука не дрогнула. Я занесла его номер в контакты как символ конца своего неведения. Я хотела видеть истинное лицо людей, которые еще вчера клялись мне в любви. Я больше не позволю делать из себя идиотку в их хитроумной игре. Время доверять закончилось. Настало время собирать доказательства.

Ближе к рассвету силы окончательно покинули меня. Измученное тошнотой и стрессом тело просто сдалось, провалив меня в глубокий сон.

Во сне пришел Дамир. Он смеялся — громко, неестественно, каким-то пугающим, злым смехом, который эхом

отдавался в пустоте. Мне было невыносимо плохо. Я инстинктивно сжималась, хватаясь руками за живот, пытаясь защитить, спрятать ту крошечную искру новой жизни, что затеплилась во мне. Эта жизнь стала моей последней надеждой, моей единственной силой, и страх потерять её был сильнее страха смерти.

Я очнулась от собственного тяжелого дыхания. Липкий холодный пот пропитал рубашку. Повернув голову, я увидела мужа — он спал безмятежно и спокойно. Раньше я могла часами рассматривать его лицо, каждую морщинку в уголках глаз, каждый изгиб мускулов, чувствуя нежность и защищенность. Теперь же при одном взгляде на него к горлу подступала удушливая тошнота.

Мысль о том, что он хотел коснуться меня после той, другой... Его неразборчивость, способность делить постель с двумя женщинами за один вечер, не брезгуя и не сомневаясь, выжигала во мне всё живое. У этого человека не осталось ни совести, ни ценностей, только пустая оболочка, которую я когда-то любила.

Я тихо подтянула одеяло, чувствуя, как сознание снова уплывает — сказывалась бессонная, полная боли ночь. На часах было восемь утра. Спать нельзя, время стало моим самым ценным ресурсом. Когда я потянулась за чистой одеждой, тишину комнаты прорезал короткий писк мобильного.

Это был ответ на мою вчерашнюю заявку. Адвокат ждал меня завтра ровно в двенадцать. Как раз когда Дамир уедет

на работу. То, что одна из лучших юридических контор города так быстро нашла для меня свободное «окно», казалось настоящим чудом. Словно сама судьба давала мне четкий, недвусмысленный знак: медлить больше нельзя. Пора возвращать себе собственную жизнь.

Запомнив адрес, я на секунду прикрыла глаза и мысленно прокрутила в голове маршрут на сегодня. План требовал предельной собранности. Первым и самым важным пунктом был визит к доктору. Мне необходимо было сделать УЗИ, чтобы убедиться, что с моим будущим малышом всё в порядке. Вся эта ночная лихорадка, стресс не должны были коснуться его. Настоящее и будущее моего ребенка сейчас зависели только от моей стойкости.

После клиники мне предстояло вернуться домой и делать вид что все идет своим чередом. А завтра с самого раннего утра проделать самую сложную, хладнокровную работу: собрать все документы, до которых я смогу дотянуться. Паспорт, свидетельства, финансовые бумаги, документы на бизнес отца — теперь каждая выписка имела решающее значение. Нужно было подготовить надежный фундамент, чтобы завтра, ровно в полдень, переступить порог адвокатского кабинета полностью вооружившись.

Умывшись прохладной водой, я почистила зубы и уложила волосы. Разглядывая себя в зеркале, я с удивлением заметила, что выгляжу даже чуть лучше обычного: синяки под глазами точно растворились, несмотря на абсолютно бессон-

ную ночь. Наверное, это какая-то скрытая внутренняя сила, которая просыпается в теле, когда нужно защитить самое дорогое. Она наполняла меня необъяснимой мощью.

Выйдя из ванной, я увидела, что Дамир уже проснулся. Его бдительный взгляд мгновенно уловил перемену в моем настроении.

— Насть, как ты? Тебе уже лучше? — он скользнул глазами по аккуратно сложенным на спинке стула вещам. — Куда ты собралась с утра пораньше? И... будет что позавтракать? А то я проголодался как волк.

Я на мгновение растерялась. В моих планах вообще не было готовки. Я была уверена, что после своего «насыщенного» вчерашнего вечера он проспит минимум до обеда, а я за это время спокойно съезжу к врачу. Но отказать ему сейчас, показать характер — значит вызвать у него ненужные подозрения. Сглотнув сухой ком, вставший в горле, я через силу выдавила улыбку:

— Вроде лучше... Хотела заехать к Кате, мы еще вчера договорились. Что тебе приготовить?

— К Кате? В воскресенье? — Дамир прищурился, и в его глазах промелькнул опасный блеск охотника. — Насть, что за спешка? А как же побыть со своим любимым мужем? Ты же вчера обещала. Ты что-то недоговариваешь, милая... Может, ты меня разлюбила?

Он смотрел на меня так пристально и хищно, что по спине пробежал мороз. Дамир медленно встал с кровати, подошел

вплотную и осторожно убрал упавшую прядь волос с моего лица. Его прикосновение, когда-то желанное, теперь обжигало брезгливостью и удушающим чувством несправедливости. Оставаться с ним в одном доме до понедельника казалось невыносимой пыткой.

В груди бешено, оглушительно стучало сердце. Я отчаянно пыталась отвести глаза, чтобы он не прочитал в них правду. А там, в самой глубине живота, будто затихая от страха, теплилась новая, крошечная жизнь. Защищая её от его давящего присутствия, я неосознанно опустила руку и прижала ладонь к животу, молясь, чтобы он ничего не заметил.

— Что за глупости ты говоришь? Не разлюбила, конечно, — мой голос прозвучал натянуто, а улыбка вышла слишком блеклой и искусственной.

Дамир не ответил. Он резко подался вперед и больно перехватил мой подбородок, заставляя смотреть прямо в его потемневшие глаза. В этот момент мне показалось, что он не просто смотрит, а пытается выскрести из моей души правду. Он чувствовал — кожей, инстинктами — что привычный мир, где я была послушной тенью, дает трещину.

— Тогда докажи мне это… — хрипло выдохнул он, и его взгляд переместился на мои губы. — Поцелуй меня. Сможешь?

Его пальцы медленно скользнули вниз, обжигая кожу в районе декольте. В этом жесте не было нежности — только маркировка собственности. Тьма в его зрачках словно выса-

сывала из комнаты кислород. Когда-то я была готова отдать жизнь за его близость, но сейчас его губы, коснувшиеся моих, ощущались как нечто чужеродное и мертвое. Я заставила себя не отпрянуть, не выдать того жгучего отвращения, которое поднималось из самой глубины души. В этот момент я думала только об одном: как пережить этот день и не сломаться.

— Могу… — выдохнула я, едва отстранившись и прикрыв глаза, чтобы спрятать в них ледяной блеск. Я сжалась словно еж, которого потревожили.

Но моя удача сегодня была при мне. Тишину разорвал резкий звук — на тумбочке неистово завибрировал его мобильный. На экране вспыхнуло имя: «Зарина». Раньше этот звонок ударил бы меня под дых, заставил бы оправдываться или плакать. Сейчас же он стал моим спасением.

Странно… Мне ведь никогда и в голову не приходило проверять его телефон. Я доверяла Дамиру больше, чем самой себе. Если на экране мелькало женское имя, он спокойно объяснял: в бизнесе такого масштаба нет пола, есть только партнеры и коллеги. И я не сомневалась. Он окружал меня такой любовью, что места для подозрений просто не оставалось. Но теперь я вижу всё иначе. Говорят, розовые очки всегда разбиваются стеклами внутрь — и этот треск в моей душе сейчас звучит невыносимо больно.

— Только ответь сначала на звонок… Зарина звонит, — я с неожиданным для самой себя упорством отодвинулась от

него.

Лицо Дамира на мгновение исказилось, глаза налились багровой яростью. Он молниеносно схватил телефон и, даже не глядя на экран, сбросил вызов, после чего швырнул аппарат на кровать.

— Насть, она для меня ничего не значит… — произнес он тем самым хладнокровным тоном, от которого у меня обычно подгибались колени. На его виске отчетливо запульсировала вздувшаяся вена.

Я посмотрела на него, старательно изображая обиду. Но внутри меня уже не было места для боли или ревности. Там, где раньше жила любовь, теперь пульсировала лютая, кристально чистая ненависть. Это было не желание поскандалить, а холодное намерение уничтожить всё, что нас связывало.

— Я пойду готовить завтрак, Дамир. А потом поеду к Кате, мне нужно немного отвлечься, ладно? Ты ведь хочешь чтобы я успокоилась и не задавала тебе лишних вопросов?

Я посмотрела ему в глаза и прочитала все по ним. Он был невероятно напуган, моей уверенностью. Он знал, что со мной нужно быть осторожнее. Он знал что я слишком дорогой и ценный ресурс, который пока терять будет слишком затратно. Он молчал. Когда Дамир молчал, это означало согласие. Я привыкла.

Я развернулась и пошла к двери, чувствуя его тяжелый взгляд на своей спине. Я знала: сейчас моя сила в моих ру-

ках. И за счет моего положения, я могу управлять им хоть как-то и не терять контроль пока все не выясню…

Глава 8

— Семь недель! Поздравляю, — врач, молодая женщина с добрыми глазами, тепло улыбнулась и развернула ко мне монитор УЗИ. — Посмотрите, вот он, ваш малыш. А вот — сердечко, оно уже стучит. Послушайте…

В тишине кабинета раздался мерный, быстрый ритм — звук, который невозможно спутать ни с чем. Тук-тук, тук-тук… В этот момент мир вокруг меня перестал существовать. Руки мелко задрожали, а слезы, которые я так долго сдерживала, хлынули по щекам обжигающим потоком.

Беременна. Ребенок. От Дамира… От человека, который разрушил всё, во что я верила. Каждая клеточка моего тела кричала от боли предательства, а этот маленький, едва различимый стук на экране обещал новую жизнь.

— Ну что вы, милая, это же такое счастье! — врач мягко коснулась моей руки, приняв мои слезы за проявление восторга. — Плакать сейчас не стоит. Малышу нужны ваши положительные эмоции и покой. Сейчас самое время отдыхать и беречь себя.

— Спасибо… — прошептала я, чувствуя, как кружится голова. Горькая усмешка застыла на моих губах. Судьба сыграла со мной злую шутку: в тот самый миг, когда я решила вычеркнуть предателя из своей жизни, я оказалась связана с ним навсегда.

— Вам нужно встать на учет, — продолжала доктор, не замечая моей бури. — Самый подходящий срок. Первый триместр требует осторожности, вы теперь в ответе за двоих. Можете вытереть гель, салфетки рядом.

Выйдя из клиники, я почувствовала, как подкосились ноги. Ближайшая садовая лавочка стала моим спасением. Я опустилась на неё, не замечая ничего вокруг, и дрожащими пальцами достала из конверта снимок УЗИ.

Семь недель. Крошечная, едва заметная точка на сером фоне. Но у этой точки уже было сердце, которое билось в унисон с моим. Невероятно: с каждой секундой мой организм совершает чудо, создавая новую жизнь, вторую часть моей израненной души.

Одинокая слеза сорвалась и упала прямо на глянцевый снимок, оставив след на изображении этого маленького чуда. Я инстинктивно накрыла ладонью еще плоский живот, словно пытаясь защитить его от всего мира. Я так долго об этом мечтала… И теперь мне было совершенно неважно, кто родится — сын или дочь. И уж тем более неважно, что этот ребенок — от человека, который растоптал мою верность.

Я никогда не позволю Дамиру даже коснуться его. Не дам в обиду. Пусть его отсутствие в жизни этого малыша станет для него самым горьким наказанием, которого он заслуживает. А я… я буду любить этот крохотный комочек за двоих. Я уже люблю его больше самой жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.